

Reichsapfel. Держава

Улдис КРЕСЛИНШ
Латвийский университет

Ключевые слова: Священное Писание, политическая организация христианской Европы, регалии христианского монарха.

Вплоть до эпохи Просвещения (XVIII века) христианство оставалось единственной определяющей основой всех общественных отношений: Кто не с нами, тот против нас! (*Евангелие от Матфея*, 12, 30). Все существовало во славу Христа и происходило во имя Христа – иначе бытие его не имело смысла вообще. В полной мере это относилось и к образу политической организации христианской Европы – монархии. Власть монарха была Богом данной властью, и править он должен был по-божески. Подобный принцип обоснования власти не был новым, но для христианской монархии он имел существенное отличие: христианство строго придерживалось Божьего СЛОВА – канона Священного Писания.

Священное Писание по отношению к исторической действительности следует рассматривать как некое воплощение Двуликого Януса¹. С одной стороны, оно было отражением *прошлого* (то, что, по определению Н. Бердяева, есть *момент консервативный* (Бердяев 1990, 31–32), посредством обобщений повествующим историю человечества от сотворения мира. С другой стороны, провозгласив принцип: Вначале было СЛОВО (*Евангелие от Иоана*, 1:1), – христианство как бы обозначило тем самым первенство Священного Писания по сравнению с данностью, и процесс канонизации еще более утвердил его направленность на *будущее* (*момент творческий*). К состоятельности последнего располагало стремительное утверждение христианства: хотя Рим принял христианство на последнем издохе империи, уже при императоре Константине Великом (306–337) события гражданской и христианской истории «тяготели к слиянию или наслоению друг на друга» (Донини 1989), поэтому, когда варвары разгромили Рим, им удалось завладеть только его «телом». Варвары победили, но их боги должны были отступить перед Богом побежденных. Процесс политической организации собственно варварского общества сопровождался христианизацией всей

¹ Двуликий Янус – в Древнем Риме покровитель дверей и ворот, впоследствии Бог всех начал изображался с двумя лицами, обращенными в разные стороны. Его именем назван январь – первый месяц года.

общественной жизни. Другими словами, если канонизация Священного Писания (окончательно завершившаяся в 419 году (см. подробнее: С в е н ц и ц к а я 1989) вела к тому, что впервые в истории человек имел точное предписание, уже заданную схему мирового порядка, то сложившийся исторический момент обусловил состоятельность того, что реальность, в том числе – и политическая, впервые должна была строиться по некоему подобию, в соответствии с христианским СЛОВОМ.

На основании данного положения возникает вопрос: в какой мере и в чем именно заключалась определяющая роль Священного Писания по отношению к политической организации христианской Европы? Попытаемся ответить на него, выстроив в логический ряд цепь наших суждений и приняв за основу две отправные точки.

Первая – определяющая – отправная точка – это символы власти. Политическая история христианской Европы по большому счету есть история монархии – сословной, абсолютной, конституционной, – а монархия характеризуется именно тем, что власть политическая в ней имеет строго определенный внешний облик. И если признать, что в форме присутствует отражение по крайней мере доли содержания, то следует также согласиться и с тем, что регалии христианского монарха в определенной степени отражают смысл его власти. Из трех основных символов власти монарха – короны, скипетра и державы – наибольшее внимание обращает на себя последний, ибо его название в большей мере предполагает отношение к понятиям «государство» и «власть». Другая отправная точка – это более широкий вопрос о понимании политики. Политика в известном смысле есть неперемное содержание любых человеческих отношений, при этом в очень большой и, быть может, даже в определяющей мере поведение и поступки человека обусловлены его полом, его половым сознанием². Эта связь отчетливо видна в «детстве» человечества: показательно, что начальные формы организации общества имели непосредственное отношение к полу.

Исходя из вышесказанного, цель данной работы состоит в попытке обратиться к Священному Писанию как к исходной установке политической организации христианской Европы в поиске ответа на поставленный вопрос через понимание возможного смысла происхождения символов власти христианского монарха³.

² В работах Н. Бердяева можно найти еще более категоричное утверждение: «Пол не есть одна из сторон человека, – он захватывает и определяет всего человека. Куда бы ни направлялся человек, всюду за ним следует энергия пола и кладет свою печать на всякое его делание» (Б е р д я е в 1989, 61).

³ Предвидя справедливые упреки в уже изначальной обреченности подобного замысла и, следовательно, в бредовости дальнейших суждений и почти ясно представляя растущее внутреннее сопротивление всему сказанному, следует дать некоторое объяснение; хотя объяснение это будет несколько поспешным, но именно в этом месте оно, быть может, в последнее мгновение способно предупредить решение оставить автора наедине с его мыслями. Несомненно, лучший способ защитить себя – это дать

Мир начался с семидневного творения, венцом которого стало сотворенное Богом существо по своему образу и подобию, однако Бог создал еще одно существо или, точнее, уже сотворенного человека расколол на две части: человек без ребра стал мужчиной, а из человеческой кости Бог сотворил женщину. С этого момента началась история общества. История, в которой изменялось само общество, его ценности и идеалы, но в которой неизменными оставались его мужское и женское начала. В этом смысле первые шаги Адама и Евы следует рассматривать как некую абстракцию, в которой заключена первичная в своем роде модель общества и взаимоотношений внутри него. По данной причине целесообразно заглянуть в Эденский сад еще раз...

На сцену выступают четыре образа, каждому из которых отведены свое место и роль в действии.

Частное в целом. Момент консервативный.

Яблоко. Не олива, не абрикос, а именно яблоко. Яблоко в центре Эденского сада. Отделяя невинность неведенья от греха постижения, оно может раздвоить целостное восприятие человека на крайности: *зло – добро*. Может, но не более того, ибо способность эта проявляется только посредством потребления; другими словами, оставаясь на Древе познания, Яблоко представляет всего лишь установленное Господом, но не осознанное человеком и поэтому – бессмысленное для него – табу. В данном контексте, если признать, что изначальная основа и по большому счету сама сущность Культуры сводятся к утверждению принципа *Нельзя*, Яблоко можно рассматривать как некое обозначение, как некий символ человеческой культуры и в своем роде первую заповедь.

Первым потребителем желанного плода, хотя и не в привычном понимании слова, стала **Змея**, самый таинственный образ Эденского сада⁴. Сотворенная, как и все звери, в пятый день творения, Змея оказывается сведущей в значении «запретного плода», сотворенного двумя днями раньше. Более того! Она заявляет, что навет смерти есть... обман Господа! Кто же эта поразительно сведущая тварь, не только дерзко бросающая вызов честности Бога, но и действующая вопреки Его воле, за что была предана проклятию? В чем ее предназначение и роль в сцене Эденского сада? Предлагая Еве яблоко – плод, который она сама неспособна или, быть может, не желает употребить, Змея выступила в роли того образа, который запретному плоду придает значение

слово авторитету, чьи суждения говорят за тебя, и, если к тому же понятно, что, точнее сказать, ты не способен, то и не стоит этого делать. Так, М. Лифшиц в рассуждениях о мифологии оговаривает относительность сегодняшних суждений, где каждая мысль есть «только возможный вывод», и этим отвечает на возражение, что наши старания задним числом вносят более высокое содержание в древние представления, предлагает очень точное определение: «Мы можем внести в них только то, что an sich в них уже есть – все остальное будет фикцией, натруженным глубокомыслием, которое сразу бросается в глаза» (Л и ф ш и ц 1988, 365).

⁴ Подробнее о образах змеи в разных религиях мира см.: Т а й л о р 1989, 385–386.

искушения. Очевидно, что в сюжете Эденского сада действия Змеи являются осознанными и даже целенаправленными. Змея в данном случае – нечто большее, чем змея. Нечто, неспособное творить, как Господь, но знающее почти столько же. Нечто, возмещающее свою неспособность творить способностью менять – если не суть, то хотя бы судьбу – уже сотворенного. Нечто, находящееся очень близко или даже почти рядом с Господом.

Тем не менее главное место в повествовании отведено человеку. Уже в силу самого акта творения *Ева*, созданная из ребра первочеловека, представляется неким остаточным полутворением, и то, что Змея именно Еве раскрывает секрет запретного плода, на первый взгляд, как бы подтверждает ее низменность. Отрицательную грань восприятия образа Евы усилили последующие толкования Эденского действия, в которых усматривается главная порочность Евы в том, что она посмела соблазнить *Адама*. Христианская традиция именно в этом увидела предназначение Евы в сцене Эденского сада: признание своей грешности, но отказ признать свою вину, людскому самолюбию был нужен этот «дар Пандоры»⁵. Все действие Эденского сада как бы закладывает в уста Адама не произнесенные им слова признания: «Да, Я грешен, но не моя в том вина, не во мне причина моей грешности!»

Если в понимании образов Эденского сада исходить не из последствий, а из самого действия, место и роль Евы предстают в ином свете. Еве первой был раскрыт секрет Плода, и в случае рассмотрения Яблока в качестве табу и некого обозначения человеческой культуры надо признать, что в Эденском саду Еве отведено право первой решиться нарушить это табу и, значит, сделать первый шаг к пониманию и осознанию культуры⁶. Важно и то, что в миг, когда Змея раскрывает Еве секрет запретного плода, одно и то же Яблоко в представлениях Адама, Евы и Змеи предстает как бы в трех разных образах. Для Адама – это все еще бесстрастное табу. Для Змеи, сведушей, но по определенным причинам вставшей или оставшейся в стороне, – это

⁵ Это толкование образа Евы через ею принесенный «дар Пандоры» в контексте наших размышлений о мужском и женском началах в политической организации христианской Европы вызывает весьма интересные ассоциации с суждениями немецкого историка Т. Моммзена, который, согласно К. Каутскому, даром Пандоры обозначил дар политической организации западных народов (Каутский 1990, 237–238).

⁶ В данном суждении присутствует некая противоречивость, поднимается, возможно, и не столь существенный, но достаточно любопытный вопрос о том, с какого момента можно говорить о появлении культуры. Если культуру рассматривать как отвлеченную систему запретов, то в контексте категорий Эденского сада появление культуры произошло в тот миг, когда Творителем было обозначено первое табу. Тем не менее осмысленное постижение – это понимание, приобщение и признание – возможно только через его нарушение, только через его отрицание, и в данном смысле о возникновении культуры можно говорить только с того момента, когда первочеловек решился нарушить этот запрет.

скорее образ соблазна и искушения. И только Ева знает и способна осознанно насладиться запретным плодом.

В сцене Эденского сада мы приблизились к тому отголоску далекой истории, в котором в Священном Писании можно найти отражение прошлого. В тот миг, когда Еве был раскрыт секрет Запретного плода, только Ева одна имеет выбор, как распорядиться Яблоком, и в этом смысле она единственная владеет им: на миг в Эдене наступила ВЛАСТЬ ЖЕНЩИНЫ. Инстинктивная и ею не осознанная власть, ибо Ева не правит – ей просто принадлежит Яблоко... В истории это время было обозначено эпохой Власти Матери.

Власть Евы закончилась в тот же час, когда она раскрыла секрет «запретного плода» Адаму: наступила эпоха уже не инстинктивной, а осознанной ВЛАСТИ МУЖЧИНЫ. Это стало поворотным моментом в истории политики. Сменив эпоху Власти Женщины и претендуя тем самым на некоторое превосходство по отношению к ней, Власть Мужчины в то же время имела существенный недостаток. Причина данного порока крылась в том, что мужчина по природе своей не творец и, следовательно, для самоутверждения он должен возыметь некие приобретенные способности к созиданию. Чувство неполноценности непременно должно было проявиться в неутомимой жажде признания, в страсти к соперничеству – и политика стала одной из самых привлекательных областей для самовыражения. Таким образом, политика, которая прежде не воспринималась самоцелью и отождествлялась с отношениями между членами общества, с установлением Власти Мужчины становится осознанной целью человеческих действий.

Итак, перед нами образы Эденского сада в том их понимании, согласно которому вся сцена представляется обращенной в прошлое и впитавшей в себя некое обобщение идей истории предхристианства. Тем не менее следует признать, что при подобной обращенности к прошлому образы Эденской сцены не создают полного единства действия, т.е. при рассмотрении каждого образа в отдельности их связь является очень фрагментарной и не позволяет преодолеть ощущения отчуждения между ними. Очевидно, что смысл сцены следует искать не в частном, не в историческом ее назначении, а в ином понимании, в котором исчезает противоречивость образов, действующие лица уже не могут скрывать своей подчиненности единому замыслу автора пьесы и все частное в каждом образе объединяется в целостную картину.

Целое в частном. Момент творческий.

Сюжет Эденского сада всегда представлялся достаточно прозрачным в привычном толковании преобладания последствий – человеческого грехопадения⁷ – над самим действием. Тем не менее кажущаяся простота теря-

⁷ Обратившись непосредственно к Священному писанию, мы должны признать, что привычное толкование Эденской сцены как плотского грехопадения человека является несостоятельным уже по той причине, что оно противоречит самому Слову Господа, создавшего человека и сразу же давшего ему благословение размножаться.

ется в многозначительности при условии восприятия действия как сцены с присущим ей подтекстом.

Все существующее в этом мире имеет свое место, смысл бытия. Все происходящее в этом мире включает в себе некую закономерность, которая делает его выражением необходимой случайности. И именно через призму данного заключения следует рассматривать изгнание человека из Эденского сада.

Мир начался с семидневного творения, венцом которого стало сотворенное Господом существо по своему образу и подобию из... простого кома глины. В нем мир обрел «самое больное и уродливое среди животных» (Н и ц ш е 1998, 28) – человека, которому уже со дня сотворения было предрешиено стать Монстром, мечущимся между божественным вдохом жизни и плотской грязью дороги. Соединяя такую противоречивость, человек неизбежно – рано или поздно – должен покинуть сад Вечной гармонии. Данным заключением мы посягаем на привычный смысл всей сцены! Если изгнание человека было уже предрешиено Творителем, то Эденское действие, следовательно, теряет смысл... или его надо искать в другом.

Причина изгнания крылась в самом человеке, в его природе, и Запретный плод – а он тоже был сотворен Господом – был только поводом, только той необходимой случайностью, которой Змея открыла человеку глаза. Значит, надо признать, что поступок Змеи, приведший к изгнанию Адама и Евы из Эденского сада, по сути отнюдь не противоречит судьбе, предрешиенной человеку самим Творителем. Другими словами, несмотря на обвинения автора пьесы в отступлении от сюжета, Змея делает именно то, что соответствует замыслу сцены: выступая якобы против воли Творителя, Змея по сути только дает толчок событиям и помогает воплотить замысел Творителя. Противники по действию оказываются союзниками по целенаправленности своих действий! Таким образом, Змея – это демон, но не по сути, а по характеру, и характер этот четко проявляется в ее действиях: являясь всего лишь посредником между Господом и человеком – то есть, Змея как «Путь»⁸, – Змея при этом выходит на сцену в роли вершителя человеческой судьбы, отчасти узурпируя власть самого Творителя. Тем не менее Змея ни в коем случае не является противоположностью Творителя.

Расколов человека, Бог обозначил в нем мужское и женское начала – Адама и Еву⁹. В силу этого первочеловек обрел общественное нутро, однако

⁸ В качестве косвенного довода в подтверждение наших рассуждений отметим то обстоятельство, что отмеченная нами двойственность образа Эденской Змеи – Змеи как демона и Змеи как Пути – близка к пониманию слова демон в некоторых древних греческих текстах, в которых он трактуется как фантастическое существо, стоящее между Богом и человеком (Л и ф ш и ц 1988, 376)

⁹ На первый взгляд, несколько парадоксальное определение мужского и женского начал в библейском первочеловеке обосновано не только современными знаниями о психологии человека, но и параллелями с представлениями древнего мира. В частности, в Древней Греции человека рассматривали как бисексуальное, то есть состоящее из двух полов, существо, что нашло отражение в мифе о Гермафродите из Кипра.

изначально Адам и Ева – всего лишь две равнодушно самодовольные части, чье общественное нутро могло проявиться только тогда, когда между ними встало Яблоко искушения.

В миг, когда человек вкусил Запретный плод, в сцене Эденского сада ход действия делает резкий поворот и все происходящее вдруг концентрируется вокруг этого плода. Яблоко становится образом, вокруг которого складываются не только отношения Адама и Евы в Эденском саду, но и человеческие отношения в целом. Поддавшись соблазну и преступив обозначенный Творителем запрет, человек претендует на роль вершителя своей судьбы. Претендует, не понимая смысла своего действия. Человек не знал и не мог знать, что выбор предполагает и ответственность. А ведь именно в познании этого, в понимании, что право принимать решения неизбежно связано с ответственностью за них, и состоит смысл изгнания человека: если Ты посмел вкусить Запретный плод, то верши, твори и властвуй, но сам и держи ответ. Наступила эпоха Власти Мужчины, и в то же мгновение закончился «золотой век» человека: он был изгнан из Эденского сада. Взамен потерянному раю человек получил ЯБЛОКО ВЛАСТИ – ДЕРЖАВУ.

Богом сотворенное Яблоко: от Творителя с узурпированного Змеей благословения через руки Евы к Адаму – вот теоретическая модель, алгоритм власти христианской Европы! Путь Яблока в Эденском саду как определенное обобщение и есть то, что заключает в себе основу происхождения и права Яблока Власти христианского мира. И каждый образ Эденского сада представляет определенное звено в цепи власти христианского мира.

Для объяснения всего вышесказанного, результата нашего, по определению Ницше, «ученого времяпрепровождения»¹⁰, обратимся к вопросу о том, в какой мере модель Эденского сада применима к исторической действительности. При этом необходима существенная оговорка. Эден – это идеал происхождения политической власти христианского мира, и по отношению к нему, как и по отношению к любой идеальной модели, действительность не могла представлять абсолют адекватности, а могла лишь попеременно приближаться или отходить от него: только в такой постановке проблемы возможно ее рассмотрение.

Согласно модели Эденского сада, всю политическую историю христианской Европы можно свести к взаимоотношениям Церкви, Народа и Правителя, в которых Яблоко Власти представляло основной предмет интереса. Проблема заключалась в том, что Эден предполагал принцип равносильного единства: право править, с одной стороны, и право наделять властью, с другой. Одно без другого непременно ведет к патологии власти, однако власть – слишком сладкий плод, чтобы все оставались довольны его делением, и гармоничность необходимого соотношения то и дело нарушалась.

¹⁰ Именно таким образом Ницше определил попытку осмыслить Священное предание – «легенды о святых», считая, что без других документальных источников научный метод в подходе к этим текстам безнадежен (Н и ц ш е 1990, 45).

До эпохи Реформации весьма условно можно выделить два этапа развития данных отношений.

Кесарю – Кесарево, Богу – ?..

История распорядилась так, что император Константин, издав эдикт о веротерпимости (313 г.), затем обозначил и раздел Римской империи, который окончательно произошел в конце столетия (395 г.). И хотя основа политической организации обеих частей империи была одной, они имели разные пути развития. Восточная часть империи Византия, продолжив обозначенный империей вектор развития политической власти, была более предрасположена к тому, чтобы христианская модель власти утвердилась там как основа государства, – и уже начиная с Фоки (602 г.) император Византии правит с неперемennого благословения Церкви. Тем не менее, приняв христианский принцип власти, почти сразу Правитель и Византийская церковь обнаружили, что воля Народа, от которой, согласно римской традиции, еще избираемый вначале Правитель наделялся Яблоком власти, является обременительным грузом. Стремление избежать случайностей привело к тенденции вытеснения Народа из цепи наделения властью и утверждению принципа престолонаследования. Последователь Фоки Ираклий впервые (610 г.) короновался сам и одновременно короновал двух своих сыновей, обозначив отход от римской традиции и отказом от титула «императора ромеев», и называнием себя «василевсом». Последний шаг к прямому престолонаследованию сделал Константин IV, введя прецедент предпочтения прав старшего сына на престол.

В связи с великим переселением народов западная часть империи не смогла простоять и столетие после раздела, однако поэтому именно там наиболее отчетливо прослеживался процесс христианизации общества и политической власти.

Главное содержание первых веков истории после падения Западно-Римской империи состояло в утверждении христианства. Рим пал, но христианский «Дух Господний витал над землей», вдыхая жизнь в процесс организации варварского общества. Раньше других – уже на пороге VI века – христианство принимает правитель франков Хлодвиг (481–511), сделав тем самым франков первым из германских племен, признавшим духовную власть Папы Римского. Заручившись первым признанием, христианская церковь закладывает те столпы, на которых основывалась не только собственно церковная культура, но и впоследствии единое мировоззрение и всей христианской Европы. Наиболее символичным в этом смысле стало введение предложенного в 525 году римским диаконом Дионисием Экзегетом нового летоисчисления – от Рождения Христова (М е л ь н и к о в а 1987, 51): Европа начала жить по «часам» христианства.

Почти за этим произошла закладка аббатства Монтекассино в Италии (529 г.), основателем которого был Бенедикт Нурсийский. Это стало знаме-

нательным событием в распространении христианства, в котором все большую и во многих отношениях определяющую роль уже вскоре играет монашество, в особенности особый образ монастырской организации, позволивший собрать разделенную на светские государства Европу под единой властью Римской католической церкви.

Однако ещё находящаяся во власти лангобардов Римская церковь не чувствует себя уверенной и просит помощи у нового короля франков Пипина Короткого. Нуждающийся в военной силе власти светской, Папа Стефан III согласен заключить Новейший Завет: за услугу светской власти он готов дать ей своё благословение.

Событием, которое обозначило завершение политической организации варварского общества по христианскому Писанию и тем самым ознаменовало по отношению к политической власти окончание христианизации Европы, стала коронация сына Пипина Короткого, нового правителя франков Карла Великого императором (800 г.)¹¹. Именно в нем мы находим первое бесспорное воплощение Эденского идеала, что отразилось и в конкретном облике правителя. Помазан и коронован Папой в день Рождества Христова, Карл был первым, в чьей руке мы непосредственно находим Яблоко Власти – ДЕРЖАВУ. По сути перед нами первый – по подобию Эденского сада – христианский монарх Европы. И не случайно, что имя его стало синонимом правителя для всей христианской Европы.

С распадом империи Карла Великого начинается новая эпоха истории Европы. Почувствовав свое влияние и посчитав его достаточным, церковь стала претендовать на роль вершителя человеческих судеб и начала борьбу за право решающего слова в политике; Пипин, основавший Папскую область, не знал, какую Змею он пригнул на груди Европы. Ревнивый монах Гильдебранд из аббатства Клуни, ставший в 1073 году под именем Григория VII Папой, провозгласил полное совершенство Церкви и поставил вопрос: кто важнее – тот, кто правит, или тот, кто дает право на власть?.. Чтобы убедить всех колеблющихся, он полностью вжил в образ Люцифера: в борьбе со строптивыми правителями он, во имя Господа, предавал их владения интердикту (в борьбе с Генрихом IV эта участь постигла всю Германию), запрещая там само СЛОВО Божье. Он был первым, пытавшимся на деле заменить преклонение перед Творителем преклонением перед носителями имени Его (Ф р о м м 1990, 199).

Чрезмерное возвышение Церкви стало предпосылкой сближения Правителя и Народа. Правитель, опираясь на определенную часть Народа, пы-

¹¹ В военных походах против саксов, продолжавшихся более тридцати лет (772–804), Карл шел не только со своим войском, но и со своей верой, найдя в христианстве сильнейшее оружие для установления власти. Значение веры в военных успехах подчеркивало то, что побежденные, признавая свое подчинение, принимали христианство, как это было с прибывшим из Дании предводителем саксов Видукиндом в 785 году, а само окончание войны было обозначено именно отказом саксов от своих обрядов и принятием христианства (см. подробнее: Э й н х а р д 2000, 14–15).

тался противостоять власти Папы. В результате происходило постепенное возвращение Народа на его место в цепи наделения властью, но уже в новом качестве, что наиболее ярко проявилось в Британии, где Народ принял принцип престолонаследия, оставляя за собою право не соглашаться с незаконными требованиями Правителя (Великая Хартия Вольностей, статья 61). Этим обозначилось появление сословной монархии.

Объективно назревшая Реформация наконец свершилась в начале XVI века. Ее большая заслуга в том, что она положила конец церковной монополии на чтение и толкование Священного Писания. Сбросив оковы догматического предания, Реформация позволила непосредственно обратиться к СЛОВУ Божьему¹², в результате чего человек – «всякий сам себе священник» (Н и ц ш е 1910, 71) – оказался перед очень значимыми вопросами: «Почему принципы христианского СЛОВА вступают в столь резкое противоречие с данностью христианского МИРА? В чем причина и суть данного расхождения?»

При обращении к христианскому СЛОВУ непременно сталкиваемся с двоякостью Священного Писания: смысловой, исторически последовательной целостностью Писания и постоянно ощущаемым различием в идеях и ценностях Ветхого и Нового Заветов. Во многих отношениях они кажутся настолько несовместимыми, что их можно рассматривать только по отдельности.

Важнейшая черта Нового Завета состоит в том, что он, по сути, не обращен к живому¹³. Действительно, следует задаться вопросом: «Где же тот бог, который не оказывает помощи живым, а помогает умершим возвратиться к жизни»?¹⁴ В повествовании о жизни и смерти Христа в Новом Завете до крайности доведено противостояние грязной плоти и непорочной души. Мерой всему является душа, ибо ещё Павел сказал, что «заповедано обрезание сердца, а не плоти»¹⁵. Этот конфликт души и тела и некая некрофильность прослеживаются и в других идеях Нового Завета. То же самое относится и к представлениям об организации христианского общества. Идеал и цель

¹² Обращаясь к вопросу о библейской герменевтике, немецкий философ Х.-Г. Гадамер приводит обобщенную формулу точки зрения Лютера: Священное писание есть *sui ipsius interpres* (постижимое через само себя) (Г а д а м е р 1988, 222).

¹³ Наряду с другими критиками христианства эта черта была отмечена и Ф. Ницше, писавшим, что для христианства «сильный человек – типичный отверженец, «порочный» человек. Христианство принимало сторону всего слабого, низкого, уродливого; свой идеал оно составило по противоположности инстинктам сохранения жизни, жизни в силе...» Свой взгляд на христианство он обобщенно выразил в суждении о том, что «оно вело борьбу не на жизнь, а на смерть с высшим типом человека, оно предало анафеме все основные его инстинкты...» (Н и ц ш е 1990, 20).

¹⁴ Этот вопрос, поставленный уже во II веке, был задан одним из юристов в его речи против христиан. Впоследствии его выступление было взято за основу и отражено в диалоге М. Минуция Феликса «Октавий» (см.: Р а н о в и ч 1990, 180).

¹⁵ Цитата из работы одного из анонимных критиков христианства конца III века (см.: Р а н о в и ч 1990, 430).

Нового Завета – это Град Божий, основа построения которого дана Христом. Отметим одно обстоятельство: построением этого Царства по сходству, кстати, с Государством Платона, заняты только мужчины – 12 апостолов и... сам Христос. Мы не спрашиваем: не странно ли это? Мы спрашиваем: не противостоит ли это?..

Последнее суждение очень важно, ибо, если понимание политики обозначить как определенное выражение отношений между мужским и женским началами общества, то, бесспорно, приходится признать, что Новый Завет вообще не содержит модели политической организации – он дает только модель христианской морали. Как раз в этом и заключалась причина обнаруженного многими очевидного противоречия существующей в эпоху Просвещения действительности и христианского учения: одна исходила из Ветхого Завета, другая – из Нового Завета¹⁶. Эта особенность Священного Писания, возможно, неосознанно или по стечению обстоятельств была замечена уже варварами, принявшими изначально христианство в виде арианизма¹⁷. Парадокс состоял в том, что человек XVIII и XX века – эпохи Робеспьера и Ленина – принял новозаветный образ Града Божьего в буквальном смысле ...

Библиография

Б е р д я е в 1990 – Николай Бердяев, *Смысл истории*, Москва: Мысль.

Б е р д я е в 1989 – Николай Бердяев, *Эрос и личность: Философия пола и любви*, Москва: Прометей.

Г а д а м е р 1988 – Ханс-Георг Гадамер, *Истина и метод: Основы философской герменевтики*, Москва: Прогресс.

¹⁶ В размышлениях о семье и христианстве Н. Бердяев, приходя к утверждению, что семья имеет то же религиозное оправдание и смысл, что и государство (в этом его суждения сходны с учением Конфуция), в продолжение этой мысли делает заключение, которое близко к выводу данной работы: «Закон семейный, подобно закону государственному, по существу ветхозаветный, дохристианский...» (Б е р д я е в 1989, 88–89).

¹⁷ Арианизм был одним из течений в христианстве, основателем которого в начале IV века стал священник из Александрии Арий. По учению Ария, бог – един, и все остальное сотворено им, а это значит, что и сын божий – Христос тоже сотворен. Иными словами, учение Ария отрицало изначальную божественность Христа. Отсюда следует вывод, что Новый Завет необходимо рассматривать как рассказ о человеческом перевоплощении, как притчу о морали, как некий путь каждого к «граду Божьему» в себе, но его отнюдь не стоит воспринимать как схему, применимую к данности, как образ организации общества. Осужденный на первом Вселенском соборе в Никее (325) арианизм впоследствии получил некоторую поддержку императора Константина (не желавшего потерять расположения влиятельного арианского епископата и боявшегося чрезмерного возвеличивания Церкви), а после его смерти (337) влияние арианства еще более усилилось, переживая расцвет во время правления сына Константина Констанция II. Подробнее об арианизме см.: Д о н и н и 1989, 245–258.

- Донини 1989 – Амброджо Донини, *У истоков христианства*, Москва: Политиздат.
- Каутский 1990 – Карл Каутский, *Происхождение христианства*, Москва: Политиздат.
- Лифшиц 1988 – Михаил Лифшиц, «Мифология древняя и современная», *Собрание сочинений в 3 томах*, том 3, Москва: Изобразительное искусство.
- Мельникова 1987 – Елена Мельникова, *Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе*, Москва: Мысль.
- Ницше 1990 – Фридрих Ницше, «Антихристианин», *Сумерки богов*, Москва: Политиздат.
- Ницше 1910 – Фридрих Ницше, «Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей», *Полное собрание сочинений*, том 9, Москва: Московское книгоиздательство.
- Ранович 1990 – Абрам Ранович, *Первоисточники по истории раннего христианства*, Москва: Политиздат.
- Свенцицкая 1989 – Ирина Свенцицкая, *Раннее христианство: страницы истории*, Москва: Политиздат.
- Тайлор 1989 – Эдуард Тайлор, *Первобытная культура*, Москва: Политиздат.
- Фромм 1990 – Эрих Фромм, «Психоанализ и религия», *Сумерки богов*, Москва: Политиздат.
- Эйнхард 2000 – Эйнхард, «Жизнь Карла Великого», *Историки эпохи Каролингов*, Москва: Российская политическая энциклопедия.

Uldis Krēslinis

Reichsapfel

S a n t r a u k a

Pagrindiniai žodžiai: *Šventasis Raštas, krikščioniškosios Europos politinės organizacijos modelis, monarchų krikščionių regalijos.*

Iki Švietimo epochos (XVIII a.) krikščionybė buvo vienintelis ir svarbiausias visuomeninių santykių pagrindas. Ji taip pat gerai tiko krikščioniškosios Europos politinės organizacijos modeliui – monarchijai. Monarcho valdžia buvo jam Dievo suteikta valdžia. Toks principas, pateisinant valdžią, nebuvo naujas, tačiau monarchams krikščionims jis turėjo vieną esminį skirtumą – krikščionybė turėjo viską apibrėžiantį Šventąjį Raštą.

Šventasis Raštas per santykius su tikrove gali būti vaizduojamas kaip dviveidis Janas. Nors Šv. Raštas skelbė principą „pradžioje buvo žodis“ – krikščionybė visada teikė pirmenybę Šv. Raštui, o kanonizacijos procesas sustiprino Šv. Rašto projekciją į ateitį. Ši kryptis konsolidavosi, barbarams sugriovus Romą ir priėmus nevykėlių Dievą. Tokia istorinė realybė lėmė tai, kad barbarų politinės organizacijos procesas vyko sinchroniškai ir pagal krikščionybės kanoną. Taigi šio straipsnio probleminis klausimas ir tema – koks tiksliai yra Šv. Rašto vaidmuo, pasireiškęs krikščioniškosios Europos politinėje organizacijoje.

Krikščioniškosios Europos politinės organizacijos modelis buvo monarchija, kuriai

būdingi griežtai apibrėžti galios / valdžios simboliai. Jei mes sutinkame su nuomone, kad forma bent jau iš dalies atspindi turinį, turime sutikti su išvada, kad monarcho valdžios simboliai bet kuriuo aspektu atspindi jo valdžios idėją. Tarp trijų svarbiausių monarcho valdžios simbolių pats prasmingiausias yra vadinamasis *Reichsapfel* (Šventosios Romos imperijos *Orb*); jis ir jo kilmės interpretacija ir yra mūsų domėjimosi objektas.

Akivaizdu, kad *Orb* simbolis, kurį matome pirmojoje Šv. Rašto scenoje, yra Rojus. Dievas sukūrė žmogų pagal savo paties pavyzdį iš paprasto molio. Šio sukūrimo rezultatas – pasaulis gavo pačią prieštaringiausią būtybę, kuri negalėjo pasilikti amžinosios harmonijos Rojaus soduose. Tai reiškė, kad žmogaus likimas yra Dievo nulemtas, taigi ir Žalčio veiksmas neprieštaravo Dievo valiai. Žaltys buvo tik tarpininkas tarp Dievo ir žmogaus. Šiame kontekste obuolys buvo tas daiktas, dėl kurio užsimezgė pirmieji Adomo ir Ievos santykiai. Tuo momentu, kai Ieva padavė Adomui obuolį (tuo užbaigdama motinos epochą Rojuje), o Adomas jo paragavo, jie sulaužė tabu ir prisiėmė savo pačių likimo kūrėjo vaidmenį. Netekę Rojaus, jie gavo obuolį – *Reichsapfel*. Rojaus obuolio kelias – nuo Kūrėjo su Žalčio palaiminimu per Ievos ir Adomo rankas – yra teorinis krikščioniškojo monarcho valdžios modelis, algoritmas.

Kaip kiekvienas teorinis modelis, Rojaus modelis buvo tik idealas, o istorinė realybė kartkartėmis nutoldavo nuo jo. Tačiau didžiausia klaida buvo padaryta vėliau, kai keli utopistai pabandė sukonstruoti politinę visuomenės organizaciją, remdamiesi krikščioniškosios moralės modeliu, aprašytu Naujajame Testamente.

Uldis Krēsliņš

Reichsapfel

S u m m a r y

Keywords: *the Scripture, the model of the political organization of Christian Europe, regalia of Christian monarchs.*

Until the epoch of the Enlightenment (18th century) Christianity was the only and the uppermost foundation of the relationships of society. It was also right in regard to the model of the political organization of Christian Europe – monarchy. The power of monarchs was the power given to them by God. Such principle for justifying the rule was not new, but for Christian monarchs it had a vital difference – Christianity had a strongly definite Scripture.

The Scripture in relation to historical reality could be viewed as the two-faced Ianus. On the one hand, it was the description of the past. On the other, it proclaimed the principle: At the beginning there was the Word – Christianity marked the priority of the Scripture in relations with reality and the process of canonization made mostly intensified the direction of Scripture to the future. That direction was consolidated, when barbarians ruined Rome and adopted the God of losers. By this historical reality was predisposed that the process of political organization of barbarians happened simultaneously and in accordance with the canon of Christianity. The general question and the theme of the given paper are: in what exactly did the uppermost role of the Scripture manifest itself in the political organization of Christian Europe?

A model of the political organization of Christian Europe was monarchy characterized by the definite symbols of power. If we accept the opinion that a shape at least partly reflects the substance we must conclude that the symbols of power of the monarch in any aspect reflect the idea of his/her power. Among the three main symbols of the monarch, the most meaningful is the *Reichsapfel*, and that is the motive of our special interest.

It is obvious that the symbol of the *Reichsapfel* addresses us in the first scene of the Scripture – Eden. God created a human being by his Own similarity from ordinary clay. By the Act of Creation the World obtained the most contradictory being that couldn't stay at the Garden of Eternal harmony. It signified that the destiny of a human being was determined by God; yet and the action of the Snake was not contrary to the volition of God. The Snake was only a mediator between God and the human being. In this context, the Apple was an object that initiated the first relationships between Eve and Adam and around which that relationship was formed. At the moment when Eva gave the Apple to Adam (and by it ended the epoch of mother in Eden) and Adam bit the Apple, they broke the taboo and took the role of the creator of their own destiny. When they lost Eden, they acquired the Apple – *Reichsapfel*. The gateway of the Apple in Eden – from Creator and with the blessing of the Snake through the hands of Eve to Adam – is a theoretical model or an algorithm of the power of a Christian monarch.

Like any theoretical model, the model of Eden was only an ideal, while historical reality from time to time departed from it. But the main mistake was permitted later when several utopians tried to construct the political organization of society by the model of Christian morality that was contained in the New Testament.

Uldis KRĒSLIŅŠ
Latvijas vēstures institūts
Latvijas universitāte
Akadēmijas laukums 1
Rīga LV-1050
Latvija
[ul.kreslins@sveiks.lv]